

ДОИДЕМ
ДО БЕРЛИНА!

**Есть в памяти
мгновения войны...**

**Увельское творческое объединение
«Букет созвучий»**

*Есть в памяти
мгновения войны...*

Сборник стихов

**п.Увельский
2005 год**

Под Кёнигсбергом

После боя в обороне
Удивляет тишина,
И на нашем небосклоне
Не окончена война.
В обороне жизнь другая:
Укрепить передний край,
Пусть метет пурга седая,
Рыть окопы успевай.
В небе звезды загорели,
Ветер снег в лицо метет,
Блиндажи накрыть успели,
И солдат накат кладет.
Где – то печку раздобыли,
Заготовили дрова,
Моментально затопили,
Со смекалкою братва.
И с устатку фронтовые
Старшина преподносил
Прибаутки бытовые,
Новоселам говорил.
Потекли воспоминанья,
Разговоры о былом,
И в счастливом пожеланье
Был всегда родимый дом.
Повели беседу плавно:
Про семейное житье,
Как девчат любили славно,
И хвалили всяк свое.
И никто не молвил слова
Ни про смерть, ни про войну,
Много было здесь былого,
Про любовь и про страну.
Так велась беседа эта,
Будто не было войны,
А война дымилась где – то,
За пределами страны.

С голубого экрана,
В голубой полутьме
К нам идут ветераны,
Рассказать о войне...

... На песчаном откосе
Все пылает огнем.
На смерть бьются матросы
С озверевшим врагом.

И, с последней гранатой
Тихо к танкам ползут...
Знают, дома девчата
Верно любят и ждут.

Вот осталось их трое,
Но дорога - вперед !
Ах, вы парни герои,
Ах, бесстрашный народ!

На песчаном откосе
Теперь травы по грудь
О погибшем матросе
Ветры песни поют.

Неба синь голубая
Их покой стережет.
Мать, ночами рыдая,
Сына милого ждет...

Ах, Россия, святая!
Нет дороже ее!
Знаю, каждый, кто в зале,
Жизнь отдаст за нее.

Молитва матери

Предрассветная тишь на перроне,
И последний прощальный гудок...
Сердце матери горестно стонет:
«Ты пиши мне почаще, сынок!
Охраняй свою родину свято
И люби, как родимую мать
Образцовым, сынок, будь солдатом,
А я буду домой тебя ждать.

И пусть ангел хранитель поможет
Тебе, сын на нелегком пути.
Да пребудет с тобою Сын Божий,
А молитва моя охранит!»
И давно уже скрылись вагоны
С неба солнца лучи горячей...
Только мать все стоит на перроне,
Вся в предвестье бессонных ночей...

Ветерану

Его еще увидеть можно,
По планкам орденским узнать,
И подойти, и осторожно
Ладонь его поцеловать.

И заглянуть в глаза родные,
Морщинки грустные стереть,
Сказать слова те, дорогие,
Сердечной лаской обогреть.

И слез блеснувших не стыдиться,
Они оправданы вполне,
И низко в пояс поклониться
За подвиг ратный на войне.

Победно знамя наше реет,
Давно окончилась война...
...Навек останутся в музеях
И имена, и ордена.

Трудно всем на войне

Третий день по степи
Шли солдатские роты,
Шли в обход деревень,
Выполняя приказ
 Трудно всем на войне,
 Но труднее пехоте,
 Что пешком обошла
 Шар земной и не раз.
Солнце зноем палит,
Бьют горячие ветры,
Хоть глоток без воды
Все труднее идти
 Не сдавайся солдат
 Не считай километры
 Вон деревня стоит

У тебя на пути,
Не деревня – обман,
Боль военной разрухи.
Груды мертвой земли
Пепла, серых камней
Тянет к небу земля
Обгоревшие руки
Стонет, просит земля
Отомстить поскорей.

Уцелевший колодец
С покосившимся срубом
Смотрит в синь журавель
Будто хочет взлететь
Лишь недавно он был
Людям преданным духом
И совсем никому
Стал ненужным теперь
Вдруг в проеме двери
Показалась старуха
Как осталась в живых
Иль молитва спасла.
И заплакала вдруг
Ненавязчиво, скупно
Затерялась в щеках
Вместе с болью слеза.
Для тебя ничего
Не просила у Бога
Я молилась за вас,
За деревню свою.
Умирать буду я у родного порога
Легче будет лежать мне в родимом краю.
А живем мы вдвоем
Показала куда – то
На подобье избы
Где в соломе лежал.
Обессиливший пес с перевязанной лапой
Что по детски скулил и от боли дрожал
Всех солдат напоил тот колодец забытый
Мать смотрела в слезах на своих сыновей
А родного уж нет, под Смоленском убитый
Похоронка пришла да не верится ей.
В неуснувший рассвет по степному раздолью
Уходили бойцы, чтоб вернуться назад
И смотрели им, вслед с материнской любовью
Из - под дряхлой руки дорогие глаз

Пропавшему без вести отцу в годы ВОВ

Ты где лежишь, погибший мой отец?
И где твои награды боевые?
Где ты нашел на той войне конец?
Куда мне принести цветы живые?

О, как же горько было без тебя!
С каким трудом нас мать троих растила! ..
Смотреть на то невыносимо было,
Хоть жили мы, трудясь и жизнь любя.

Ни та, ни эта власть не помогли.
Всю жизнь мы трое об отце мечтали.
Кто жил с отцами, те и счастье знали.
А мы все выживали, как могли.

Ведь ты за счастье наше воевал,
Своею жизнью, заплатив за это.
Отцовской ласки, мудрости, привета
Всю жизнь из нас троих никто не знал.
Сейчас уже на склоне наша жизнь-
За подвиг твой нам ничего не дали.
И где твои военные медали?
И в чьей земле ты, наш отец, лежишь?..

Уж кончается день,
Догорает закат.
На чеченской земле
Умирает солдат.
Был здесь только что бой.
Вроде, бой небольшой.
Русский мальчик простой
Расстается с душой.
А душа говорит:
«Не хочу покидать!
В девятнадцать твоих
Разве можно страдать?
В девятнадцать твоих
Надо крепко любить
И в родительском доме
Опорою быть».
И в последний момент
Видел мальчик свой дом,
И сестренку свою,
И родителей в нем.

«Вы простите меня,
Не вернулся я к вам.
На чеченской земле Богу душу отдам.
Ты, Россия, прости,
Ты прости меня, Русь,
Что обратным путем
«Грузом - 200» вернусь...»
Поднял к небу глаза,
И душа отошла,
И скупая слеза
По щеке протекла.
Вот и кончился день.
Догорел и закат.
На чеченской земле
Умер русский солдат.

...Мы оплачем его
В гробовой тишине.
Мирной жизни земной
Пожелаем стране.

Не забывается война

Так далеко ушла война,
Ее начало, первый день.
Но как же памятна она
И неотвязна, словно тень.

Я родилась, когда отцу
Не соловьи, снаряды пели,
С врагом он был лицом к лицу
В своей продымленной шинели.

Погиб отец под Ленинградом,
Когда фашист грозил: “Сомну!”,
И двигал черною громадой
На города, на всю страну.

Но нет, не смял и не стоптал,
Не отобрал святой свободы,
Ведь немец попросту не знал
Всей силы нашего народа.

И нашу ненависть к врагу,
И то, что в гневе мы едины,
И что чужому сапогу
Не мерять русские равнины.

Остановили под Москвой,
Не пропустили в Сталинграде,
Закрыли родину собой,
Не помышляя о награде.

Все в деле: дети пули льют,
А жены производят мины,
Не досыпая, ткут и жнут,
Тайком оплакивая милых.

Держитесь, храбрые бойцы,
Фашистов – прочь с земли родной!
Сражайтесь, братья и отцы,
Мы ждем с победой вас домой.

Так далеко ушла война,
И первый, и последний день.
Но как же памятна она,
И неотвязна, словно тень.

Фронтальная медсестра

Немало губ её руки касалось
Ребят, войной отнятых у невест,
И все тепло сердец их ей досталось,
Посланницы девчат из отчих мест.
В окопе в ней солдату представлялась
Единственная, дорогая, та,
Что ждать его в родном краю осталась,
Манящая, как звездочка, мечта.
...А бой пройдет – в стараньях и заботах
Утонет вновь до утренней поры.
Ведь божьею была тогда работа
У боевой военной медсестры.
И было мне узнать сегодня горько,
Что жизнь свою вела она... одна,
С тех пор, как нас оповестили гордо,
Что кончилась победою война.
Лежат в сырой земле в местах различных
Её друзья, участники боёв.
Лежит в земле и тот танкист отличный,
Чьё сердце билось именем её.
Жила одна... Как птица средь болота,
С одним крылом, прострелянным жила.
Летать бы ей... Да в жизни для полета
Иметь необходимо два крыла.

Только в песне расскажется

Только в песне расскажется,
Как за честь и страну
Молодые, как сажены,
Парни шли на войну...
... Над Россией лучистой
Свод сиял голубой.
Злая нечисть фашистская
Навалилась грозой.
Сеет пламя холодное
Смерть, рыдания и грусть.
Кличет силы народные
В поле ратное Русь...
... Под штыками ершистыми
Молодцов её строй...
Вышли биться с фашистами,
Встали скальной горой:
И герои известные –
Дней великих творцы,
И еще безвестные
Сыновья их – юнцы...
Парни милые, где вы, чьи

Вас края берегут?
Не коснувшихся девичьих
Нецелованных губ.
В дни суровые долгие,
Месть святую творя,
Храбро бились под Волгой вы,
У Невы и Днепра.
Умирали со славою
За Дунаем–рекой,
За страну Югославию
И у Праги златой.
Дрались в небе как соколы
И как львы на земле...
Нам их судьбы высокие,
Как светило во мгле.
... Только в песне расскажется,
Как за честь и страну,
Молодые, как сажены,
Парни шли на войну.

Обелиски

То видел вдали я, то близко
В краю, опаленном войной,
Печальные обелиски
Под неба голубизной.
Под ними лежат без жизни
Герои минувшей войны,
Свободной моей Отчизны
Прекраснейшие сыны.
Стоят обелиски немо,
Но образ вотку я в стих:
Спокойное наше небо
Оперлось о плечи их.

День Победы

Много войн по миру прокатилось
За известные народам времена.
Жаль, что на моём веку случилась
Самая кровавая война.
Не измерить, сколько всех страданий,
Сколько горя, мук, вражды и зла,
Умерших надежд и обещаний
Та война на землю принесла!
Сколько судеб той войной разбито,
Не родилось в те года детей,
Сколько безутешных слёз пролито,
Жён и вдов, сирот и матерей!
Жгли мы в пекле том за сменой смену.
Прежде чем война та умерла,
Самую большую в мире цену
Жертвами людскими с нас взяла.
Потому для многих поколений,
Помнящих о жертвах той войны,
Быть не может двух различных мнений
О главнейшем празднике страны.
Помню, прилетел он к нам с района.
По селу бежала девушка одна,
Сообщая весть от почтальона,
Что вчера закончилась война.
В жизни много перемен изведаль,
Видел праздников рожденье и хулу,
Но с тех пор мне видится Победа
Девушкой, бегущей по селу.

Такое только в страшном сне присниться:
Войною вздыбленный Афган.
Как будто сам Илья на колеснице
Проносится как ураган.

Тревожным эхом холодеют горы.
И воют пули души унося.
А счастье позади, его сменило горе,
Гуляет смерть, косою нам грозя.

Дорога бесконечной змейкой вьётся,
Траншеи на пути, как шрамы на лице.
А сердце барабанной дробью бьётся.
От страха голос сел, звучит фальцет.
И, слава богу, что ведёт она в Россию,
Где мама ждёт, все выплавав глаза.
И где же мне теперь набраться силы,
Чтоб с глаз моих не брызнула слеза?

Лат.марина А.

Ты скажи мне, стая журавлей,
Отчего огонь такой в закатах?
Может, он поднялся вверх с полей,
Где огонь войны горел когда-то?
Вы летите выше, журавли,
Эту горечь унесите в небо
От израненной и выжженной земли,
Что всегда людей кормила хлебом.
Вы кричите громче о войне,
Чтобы мы – живые – не забыли
Тех кровавых, сумасшедших лет,
Чтоб такое вновь не повторили.

Пуля – в висок.
Кудри – в песок.
Темные, светлые,
Рыжие, русые,
Сколько вас, мальчики!
Сколько вас, русские!
Тот – чей то сын,
Тот – чей-то брат.

Сколько родных
Ждут вас назад!
Но не дождутся
Из черной дали:
В землю чужую
Солдаты легли.
Ждут вас – родители,
Сестры, невесты!
Ждут. И дождутся
Убийственной вести.
Так и не поняв,
За что он убит,
Близкий солдат их
В могиле лежит.
Светлые, темные,
Черные, русые,
Где же вы, мальчики?!
Где же вы, русские?!

А в небе тучи встали строем,
И в теплом мае снег летел.
Быть может, он нам о героях
Напомнить в этот день хотел.
Снежинки падали послушно
Из той холодной вышины,
Где до сих пор витают души
Всех не вернувшихся с войны.
И таял снег, как будто плакал,
И отпевали ветры их –
Солдат в шинелях и бушлатах,
Седых ровесников моих.
А в серых тучах – будто лица
Всех этих стриженных ребят,
Кому не дали возвратиться
Домой и Брест, и Сталинград,
Кто разгибал не для награды
Стальную Курскую дугу,
Кто плыл под грохот канонады,
Встал на днепровском берегу.
Не тучи по небу летели,
А души павших на войне,
И облилось слезами небо,
Припомнив всех, кого здесь нет.

Дождь, и на улице – лужицы,
Капли по крыше стучат.
Как ты живешь там? Как служится,
Милый братишка-солдат?
Помнишь наш бор, наш
Тушкан, нашу речку,
Помнишь, как рыбу ловил?
Настю, смешного еще человечка,
Что на плечах ты носил?
Помнишь, носилась, проказница,
Маленький шустрый бесенок?
Встретит тебя – первоклассница,
С бантиком белым ребенок.
Если тоска вдруг навалится,
Зыбкую грусть теребя,
Знай: за горами, за реками
Помнят и любят тебя.
Высохнут лужи и лужицы
В утренней сонной тиши.
Как там живется, как служится –
Ты обо всем напиши

Среди фотографий в коробке,
След, скорбный тех лет храня,
Военная похоронка,
Пугает текстом меня.

«Ваш сын...» он погиб геройски
В неполных семнадцать лет.
Безусый совсем мальчонка,
Мой несостоявшийся дед.

Года себе смело добавил,
Отваге предела нет.
Не знал, что у смерти нет правил
И исключений нет.
В атаку шагнул он смело,
Сжимая в руках автомат.
И рухнул... глазами в небо.
А губы шепнули «Ма ...»

Прабабушка плакала горька,
Но в сердце надежда жила:
«Вернётся домой Егорка...»
Уже столько вёсен ждала.

Чья-то мысль опрокинулась звуком,
Звук вознёсся в небесные выси.
Опустились нечистые руки,
А с небес полились снова мысли!

Но взметнулись знамёна и знаки,
В глубь земли вырастали деревья.
Человек зашатался от драки,
И солнце зашло кровеня...

Звук воскрес, как отчаянный мальчик,
Внезапно проникший в бранное поле...
Бойцы растерялись, и как-то иначе
Взглянули на поле, залитое кровью...
Опустились кровавые руки,
Небеса просветлели, и тени
Обрели себе плоть и на круги
Своя возвратились и пели

Симовских Т.П.

**Погибшему солдату посвящается.
9 мая.**

«Ой, туманы мои, растуманы...» -
Пела мама с подругой Татьяной.
В те далекие майские дни
Грустно пели, с рыданьем в груди.
Я девчонкою малой была,
Разгадать ту печаль не могла.
За стеною плясали и пели.
Мы нарядные платья надели.

А когда, наконец, поняла,
Взрослой сделали слезы меня.
Эту песню сосед наш Наум
Пел, когда уходил на войну

Ой, туманы мои, растуманы...
Нет давно и соседки Татьяны,
Но все помню Наума портрет,
Стопку, хлеб, пироги, винегрет.

В похоронке Девятого мая,
А теперь в парке в списке читаем,
Буквы золотом в стелле горят.
«Тараненко Наум» – третий ряд.

Вчера закончилась война
Без поражения и победы,
Она давала ордена
И не была скупой на беды.

И нету сил навзрыд кричать,
И нету сил сказать негромко,
Что сына ждут отец и мать
С войны, не веря похоронке.
Они не знают, как он встал,
В руке последняя граната,
Последний шаг – на пьедестал,
Шаг Неизвестного солдата.

Страна! Запомни имена
Всех тех ребят, что воевали,
Всех тех ребят, что погибли
За наш Интернационал.

Старик и голод

Старик понимал, что в магазине его обсчитывают, обманывают. Но последний приступ удушья так его вымотал, что у него не осталось сил спорить, искать новую правду. «Я не пойду больше в этот магазин, к тому продавцу» - наивно рассуждал он в долгом своем одиночестве, уже больше привычном ему, чем общение с кем-то. Как-то быстро образовалось пространство жизни новой, незнакомой, прежде всего потому, что стремительно уходили из жизни его сверстники, те, с кем работал вместе, жил по соседству.

Испытующе смотрел старик в очередном магазине на другую молодую продавщицу: не обманет ли? Не всучит ли опять скисшее молоко или никуда не годную тушенку. Он с каждой пенсии покупал хоть немного продуктов в запас.

Старик больше ничего не боялся в этой жизни, кроме одного – голода.

Прошли не годы, а десятки лет, а он все не мог забыть страшных мук голода. Война началась, когда ему едва исполнилось 14 лет. Неизбалованный мальчишка из большой семьи, которую бросил отец, он и до войны знал, что такое несытая еда. Но то, что он испытал после, было гораздо тяжелее и хуже.

Он хотел помочь фронту, куда ушел биться с фашистами его старший брат. И еще заработать свою пайку, чтобы не только самому питаться, но и подкармливать младших сестренек и братишку. Мать с ног сбивалась, засаживая мелко разрезанным картофелем с отростками каждый уголок в огороде и дворе. Она парила в русской печи морковь, свеклу и репу. Для детей не было вкуснее лакомства, чем паренки. Мать варила супы из всех трав, какие съедобны. Но дети слабели. Словно усыхали ручки и ножки, без того тонкие шейки. Первой умерла любимая Иваном сестренка Еленька. 14-летний Иван чувствовал непонятную вину, и его захлестнуло большое горе, от которого впервые по – взрослому болели сердце и голова – они, казалось, лопнут от недетских слез и мыслей.

Брат Мишенька «сгорел» за два дня от кори. Эта боль не уходила от него всю жизнь, и ему, семидесятилетнему вспоминалось все так, словно это было вчера.

Он вспоминал, как переставшая улыбаться мать с тоской смотрела на его, Ивана, худенькие плечи, висящую на нем спецовку, когда он собирался на работу. «Сынок, сегодня утром только суп сготовила. Днем может, выменяю что-нибудь на картошку или крупу», - виновато сказала она.

И через много лет виделась ему мать, в черной кацавейке, края которой трепал холодный ветер, прижимавшую за пазухой сверток.

Иван ремонтировал тепловоз на морозе, в рукавицах невозможно было работать – и он брался за обжигающе ледяной металл голыми руками, порой оставляя на нем кожу рук. И в этом аду повязанное черным платком родное лицо, казалось чудом, чем-то сверхъестественным. Мать бережно вынимала из-за пазухи три еще горячие картофелины, и глаза ее впервые за долгое время осветились огоньком радости. Голодный Иван не заметил, как проглотил немудреную еду, смущенно спросив у матери: «Сама-то ела?». «Ела, сынок, ела!» - она слабо махнула рукой, радуясь, что хоть у него нет теперь таких схваток в желудке от голода, от которых нападало бессилие.

Слезы и сейчас выступали из его глаз, когда минуло уже полстолетия. Давно не было в живых матери, но то чувство святого отношения к ней осталось на всю жизнь.

Все ушло. Жизнь работа, служба в армии, женитьба. Но если, что и согрело его постоянно мерзнувшее тело – так эти воспоминания горячих картофелин из материнских рук.

Сегодня он делал ревизию своих запасов. Просроченные продукты отнес соседям и знакомым для скотины, себе закупал новые. В заботах день прошел незаметно.

Этот очередной приступ удушья застал его врасплох. Он не мог дотянуться до «Геофедрина», рука ослабела, разум мутился. Мелькнула слабая мысль, что зря он не послушался дочери, не лег в больницу и не поехал к ней.

Как больно умирать! Как медленно душит эта невидимая злобная рука смерти его за горло. Как трепещет сердце, тогда, когда ему казалось, что весь мир слышит его крики боли и ужаса. Но его губы лишь раскрывались в протяжном вое, который вскоре стих, и он недоуменно смотрел на стены родного дома, ставшие сразу враждебными и равнодушными к его мучениям.

Пришедшая дочь застала отца в агонии, он пытался и не мог ей ничего сказать. Он умер, зашедшись в безмолвном крике...

Всю ночь дочь не могла заснуть рядом с комнатой, где лежал ее отец – тихий, без привычного кашля, без его старческой бессонницы.

Но горевать жизнь не давала. Надо было сразу думать о похоронах, поминках. Утром дочь заглянула в кладовую. Она зарыдала, увидев на полках многочисленные мешочки с крупами, мылом, спичками. Здесь лежали даже засушенные тонкие ломтики картошки, сухари. Рядом стояли мешки с картошкой, свеклой, морковью, капустой, которые она привезла.

Нам, сегодняшним, когда все можно купить – были бы деньги! – трудно понять этого старика, когда-то 14-летнего труженика тыла, который боли в желудке «глушил» крепкой махоркой, как взрослые.

Когда-то давно он рассказал дочери о том, как мать спасла его горячими картофелинами. «Смерть не так страшна, как голод»,- сказал он ей тогда.

Но лишь теперь она поняла это, увидев, что на свою пенсию, которую выдавали не во время, ее «съедала» бесконечная инфляция, отец упорно закупал огромное количество продуктов, которое не в силах была съесть большая семья.

Погибшим в Чечне

А у нас под ногами гудела земля
Громыхали снаряды и пули свистели.
И последний листок оторвали с календаря,
Новый век все встречали , а мы не успели.
Каждый думал, что это случилось не с ним,
С ним случиться такого, конечно, не может.
Здесь значение имеет одна только жизнь.
На войне, что еще есть милей и дороже?
Мы, солдаты, которые приняли бой
И сражались отважно и победили.
Наши души взлетели и светлой волной,
Вас, живущих, от мрака ночи оградили.
Мы увидели слезы своих матерей
И мгновеньем счастливых,
Непрожитых жизней.
Вы простите родные нас – сыновей
Мы служили Отчизне.

Встреча.

В город пришла осень. Тихий листопад... Ворохи пестрой листвы завалили дворы и тротуары.

К остановке подъехал автобус и пассажиры, толкаясь занимали свободные места.

Он сразу узнал ее! Она могла быть в шляпе, в платке, седой—все равно узнал бы, потому что все эти долгие годы помнил ее и не раз с грустью вспоминал тот печальный день, когда расстались.

Узнал и быстро отвернулся, боясь, что она увидит его. И, чего уже давно с ним не случилось, смутился. Стыдно стало за себя—беззубого, плохо одетого, в нечищенных туфлях, сутулого, сильно постаревшего и усталого.

Автобус ехал по городу, останавливаясь на светофорах и остановках.

Сердце постепенно стало стучать тише. Память, как шмель, выбирающий самые душистые и сладкие цветы, возвращала его в тот далекий день...

Всю ночь санитарные машины шли по проселочной дороге без огней. Кроме дыма и пыли ничего не было видно.

Через день прибыли на место. Тяжелораненых разместили в переполненном госпитале. Солдаты были наспех перевязаны на передовой, сквозь бинты проступала кровь. Почти у всех раненых была высокая температура, все одурели от бессонницы и боли. У некоторых даже глаза расширились и стали выпуклыми.

Всех разместили по палатам.

Наступила ночь. Раны всегда болят сильнее к ночи и страдают люди больше всего ночью.

Сергея охватило в потемках чувство одиночества, покинутости.

И, прорывая темноту, он закричал: «Няня! Сестра!». Но только показалось, что закричал. Все у него ослабло. И вместо крика получился тихий непонятный шепот. Он потерял сознание.

Однажды придя в себя, после очередного приступа боли, увидел медсестру и ее глаза полные сострадания. Удивился, какая она красивая! Было в ней что—то домашнее и такое открытое, что не надо придумывать разговора. Он начинался сам по себе. Делая ему уколы, она говорила, что теперь он обязательно выздоровеет, пойдет на поправку. Походит на костылях, а потом научится танцевать.

Слушая ее, успокаивался и думал, что так и будет. Главное, что остался жив. Сколько его друзей полегло в этом бою?

В госпитале пролежал до весны. Он не думал о любви и не ждал ее в этом пекле. Дома у него была жена и сын. Не заладилось у них с женой жизнь с самого начала. Каждый день ссоры, выяснение отношений. Сколько раз хотел уйти, но жаль было сына. А с Дашей ему было просто и легко. Незаметно между ними возникло то чувство, что зовется любовью. Оба светились от счастья, которое скрыть невозможно. Он понимал, что это та единственная, которая ему нужна. Дашу выдавали глаза, влюблено глядевшие на него.

День Победы отмечали в госпитале. Радовались, смеялись и плакали. Это был праздник со слезами на глазах.

Даша уговорила его поехать с ней в маленький уральский городок Троицк, где живет ее старенькая тетка. Сергей мучался и страдал. Знал, что без Даши у него уже нет счастья. Он рассказал ей о жене.

«Но ты же не любишь ее!» - говорила печально Даша. «Нет! Но с ней мой сын», - отвечал он опустив голову. Даша понимала, что он отказывается от нее.

Она уезжала с первой партией раненных. Сергей попросил глав. врача отправить его через несколько дней. Ему и правда стало хуже, начали ныть и болеть раны, стал худеть.

Подошли машины, все бросились к кузовам. «Прощай, Даша,», - сказал он грустно

и улыбнулся.

«Прощай, Сережа», - ответила она и, задыхаясь от слез, припала к его груди. И ему подумалось: «Зачем я остался? Что ждет меня там, дома? Ехать надо, ехать, но снова вспомнил сына—как же он без меня». А тут еще закричали, стали торопить, чтобы не задерживали. И она уехала...

Жена не изменилась. Ругались часто. Стала мстительной и злой. Уйти бы, и все! Еще было не поздно. Но какая—то сила удерживала его. И пошли год за годом... Жена умерла. Сын вырос, женился, уехал.

К нему он и приезжал в этот город. Сам уже третий год живет в доме ветеранов.

Автобус остановился на конечной остановке «Вокзал». «Господи, это же она, Даша», еще раз подумал он и осторожно, так чтобы она его не узнала, посмотрел в ее сторону.

Но там сидела уже другая женщина. В темном плаще и с клетчатой сумкой на коленях...

Содержание

Нестеров М. К.	3
Тренина М.И.	4
Меркеева В.И.	7
Корчагина С.Г.	9
Демидов А.П.	10
Пронин Л.И.	12
Мулява Н.И.	13
Латмарина А.	13
Деенкова Е.	16
Родионов И.	17
Симовских Т.	17
Аиткулов А.	18
Ястребова Т.А.	19
Морозова Л.	21
Яковец А.Д.	22